

БЛАЖЕННАЯ ПЕЛАГІЯ ИВАНОВНА,

Христа ради юродивая подвижница Серафимо-Дивѣвскаго монастыря.

Великій старецъ Серафимъ, іеромонахъ, пустынножитель и затворникъ Саровской пустыни, какъ извѣстно, по особому откровенію свыше и благоволенію Пресвятой Богородицы, основалъ въ селѣ Дивѣвѣ, Нижегородской губерніи Арзамасскаго уѣзда, въ семи верстахъ отъ Саровской пустыни, Серафимо-Дивѣвскій женскій монастырь и предсказалъ, что онъ прославится святостію жизни своихъ подвижницъ и будетъ процвѣтать духовно и вещественно. Прозорливое слово великаго старца сбылось во всей точности надъ святою обителью его «Дивѣвскихъ сиротъ», какъ любилъ онъ называть подвижницъ Дивѣвскихъ, жившихъ подъ его духовнымъ руководствомъ. Въ настоящее время многолюдная благоустроенная обитель женская замѣнила собою первоначальную убогую общину старца Серафима. Но не вдругъ достигла этого благоустройства Дивѣвская обитель, а послѣ многихъ скорбныхъ испытаній, потрясеній и неурядицъ, которыя всѣ были предвидѣны и предсказаны ея основателемъ. Среди подвижницъ Дивѣвскаго монастыря подвижничество духовное процвѣтало въ высокой степени, ибо руководимыя великимъ старцемъ Серафимомъ, онѣ свято соблюдали всѣ заветы его, слагали всѣ слова его въ свои сердца и старались ему подражать святымъ и богоугоднымъ житіемъ. Вотъ здѣсь-то, въ этой средѣ духовной, процвѣла и та великая подвижница-старица Пелагія Ивановна, о которой предстоитъ намъ рѣчь. 1884 года 30-го генваря почила о

Господѣ эта раба Божія, и никто еще не сказалъ о ней въ память повѣствовательное и душеназидательное слово. Ближайшія ея ученицы—Дивѣевскія инокини и одинъ изъ близкихъ къ ней боголюбцевъ, М. П. Петровъ записали о ея жизни и подвигахъ что знали достовѣрнаго, и поручили мнѣ написать очеркъ жизни блаженной старицы, который хотя и не будетъ изобиловать особенною полнотою свѣдѣній, но по возможности ознакомить съ этою современною подвижницею любителей и почитателей отечественнаго подвижничества духовнаго.

Пелагія Ивановна родилась въ октябрѣ 1809 года, въ г. Арзамасѣ Нижегородской губерніи. Отецъ ея былъ арзамаскій купецъ — Иванъ Ивановичъ Суринъ, мать ея — Прасковья Ивановна, урожденная Бебешина, была тоже изъ купеческаго званія. У нихъ было два сына: Андрей и Иванъ, и дочь Пелагія. Рано овдовѣвъ, Прасковья Ивановна вышла замужъ за вдовца — купца Алексѣя Никитича Королева, имѣвшаго отъ перваго брака шесть человѣкъ дѣтей. Жизнь сводныхъ дѣтей несладка была въ домѣ Королева, и дѣти Прасковьи Ивановны сильно чувствовали свое сиротство. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, Пелагія Ивановна была выдана въ замужество за арзамаскаго мѣщанина Сергія Васильевича Серебренникова; бракъ ея съ нимъ состоялся 23-го мая 1826 года. Отъ этого брака у Пелагіи Ивановны родились два сына — Василій и Иванъ, и дочь Пелагія. Сыновья прожили по полтора года, а дочь только нѣсколько недѣль. Мужъ Пелагіи Ив. служилъ прикащикомъ у арзамаскаго купца Попова и послѣ смерти дѣтей сталъ замѣчать въ ней особую задумчивость и нелюдимость. Она стала чуждаться его самого, отстранялась отъ его ласкъ, и вообще замѣтна была въ ней разительная переменна. Мужъ повезъ ее въ Саровскую пустынь на богомолье, съ намѣреніемъ испросить ей благословенія и святыхъ молитвъ великаго старца Серафима, ибо думалъ, что эта переменна въ ней произошла отъ скорби о дѣтяхъ. Близкій къ старцу Серафиму, рясофорный послушникъ Саровской пустыни,

Іоаннъ Тамбовцевъ, впоследствии Нижегородскаго Печерскаго монастыря іеромонахъ, а потомъ Павло-Обнорскаго монастыря, Вологодской губерніи, игумень Іоасафъ, въ схимѣ Серафимъ, скончавшійся на покоѣ въ Высокогорскомъ Арзамасскомъ монастырѣ, рассказывалъ объ этомъ посѣщеніи старца Серафима слѣдующее: «однажды былъ я въ келліи старца Серафима, когда вошли къ нему довольно молодые еще люди, мужъ съ женою, за благословеніемъ. Благословивъ мужа, старецъ Серафимъ сказалъ ему нѣсколько словъ на пользу души и выслалъ его изъ келліи, а вмѣстѣ съ нимъ и меня выслалъ, и затворилъ за нами дверь келліи, оставилъ въ ней жену и съ нею бесѣдовалъ болѣе часа. Мужъ, стоя на крыльцѣ, соскучился ждать и ушелъ въ гостиницу монастырскую, а я продолжалъ стоять, любопытствуя узнать, о чемъ это такъ долго бесѣдовалъ старецъ съ этою женщиною. Наконецъ дверь старцевой келліи растворилась, и изъ нея вышла женщина и держала въ рукахъ своихъ четки, которыхъ прежде у ней не было. Видимо, что старецъ далъ ей эти четки. За нею вышелъ и самъ старецъ о. Серафимъ и говорилъ ей въ слѣдъ: «иди въ Дивѣво и охраняй моихъ сиротъ, и Богъ тебя на томъ мѣстѣ прославить». Когда женщина удалилась, тогда Серафимъ обратился ко мнѣ и, положивъ свою руку мнѣ на плечо, сказалъ: «вѣрь Богу, о. Іоаннъ, вотъ эта женщина, которую ты видишь, будетъ великій свѣтильникъ на весь міръ». Я грѣшный тогда спросилъ старца: «кто это, батюшка, такая?» «Это арзамасская жительница Пелагія Ивановна», отвѣчалъ мнѣ старецъ.—Въ это время въ г. Арзамасѣ подвизалась въ подвигахъ юродства Христа ради купеческая жена Параскева; съ нею подружилась Пелагія Ивановна и подъ ея руководствомъ научилась Іисусовой молитвѣ, которая начала въ ней благодатно дѣйствовать и сдѣлалась постояннымъ ея занятіемъ на всю ея жизнь. Пелагія Ивановна притворилась безумною, бросила мужа и его домъ, стала бѣгать по улицамъ Арзамаса, безобразно кричала. Мужъ началъ ее запирасть на замокъ и билъ ее безъ всякой жалости, неоднократно

водилъ ее въ полицію и наказывалъ тамъ розгами, наконецъ приковалъ ее на желѣзную цѣпь въ своемъ домѣ и такъ продержалъ нѣкоторое время, думая, что она образумится и перестанетъ безумствовать. Но она продолжала попрежнему безобразничать, такъ что мужу наконецъ надоѣло съ нею возитъся,—опъ снялъ съ ней цѣпь и прекратилъ о ней всякое попеченіе. Освободившись отъ цѣпи, Пелагія Ивановна сохранила ее при себѣ и по ночамъ возлагала на свои плечи вмѣсто веригъ, послала также на тѣлѣ своемъ желѣзный поясъ, тяжелый и тѣсный, и продолжала попрежнему безобразничать, кричать и бѣгать по улицамъ города, чѣмъ причиняла позоръ всѣмъ своимъ роднымъ. Родная мать ея и сестра гнушались ею и всячески ее истязали, желая побоями образумить ее, по все было напрасно. Сестра ея—дѣвушка, которую никто не сваталъ изъ опасенія, чтобы и она потомъ не сошла съ ума подобно старшей своей сестрѣ Пелагеѣ Ивановнѣ, подкупила одного злодѣя, хорошо стрѣлявшаго изъ ружья, чтобы онъ въ то время, когда Пелагія Ивановна бѣгаетъ за городомъ юродствуя, прицѣлился въ нее и убилъ. Тотъ согласился, но даль промахъ. Тогда Пелагія Ивановна, оставшаяся цѣла и невредима, прозорливо сказала ему, что опъ это не въ нее стрѣлялъ, а въ себя самого. И что же,—чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ слова ея сбылись въ точности: онъ застрѣлился и умеръ смертію самоубійцы. Такъ судъ Божій не укуснилъ совершиться надъ челоуѣкомъ, посягнувшимъ на жизнь юродивой подвижницы. Жизнь ея въ это время была самая многострадальная: мужъ и родные совершенно отъ нея отказались, не давали ей ни хлѣба, ни одежды, ни обуви, даже не пускали ее за порогъ своихъ жилищъ. Лишенная пріюта, зиму и лѣто проводила она на улицѣ, прикрытая лохмотьями вмѣсто одежды, безъ куска хлѣба, голодная и холодная, и въ такомъ злостраданіи прожила четыре года, не оставляя посѣщать свою учительницу и наставницу—юродивую Параскеву, которая вошеуляла ее все терпѣть любви ради Христовой. Въ Арзамасѣ, на концѣ города есть церковь, называемая Напольная,

стоящая особо отъ жилищъ горожанъ. На паперти этой церкви находила себѣ почью приютъ Пелагія Ивановна, и часто видѣли ее тамъ по ночамъ молившеюся подъ открытымъ небомъ, съ воздѣтыми горѣ руками, со многими воздыханіями и слезами. Въ ней началъ усиливаться издавна присущій ей благодатный даръ прозорливости, который она прикрывала странными выходками и рѣчами. Однако люди духовные видѣли ясно, что она подвижница Божія. Такъ однажды, когда Пелагія Ивановна сидѣла на улицѣ Арзамаса и юродствовала, подошла къ ней Дивѣвская монахиня Іуліанія Григорьевна, одна изъ ближайшихъ ученицъ старца Серафима, сама очень опытная и преуспѣвшая въ жизни духовной, и сказала ей: «полно тебѣ здѣсь безумствовать, пойдемъ къ намъ въ Дивѣво, такъ Богу угодно». Пелагія Ивановна послушалась ея и въ тотъ же день отправилась съ нею изъ Арзамаса въ Дивѣвскій монастырь. Іуліанія Григорьевна помѣстила ее въ своей келліи и жила съ нею до самой своей смерти. Пелагія Ивановна по смерти Іуліаніи очень чтитъ память ея и всѣмъ приходившимъ къ ней вмѣняла въ обязанность ее поминать и чтить день ея кончины 3 фѣвраля, молитвою о ея упокоеніи со святыми. Мать Пелагіи Ивановны, Прасковья Ивановна Королева, узнавши, что ея безумная дочь ушла изъ Арзамаса въ Дивѣвскій монастырь и тамъ поселилась, очень обрадовалась и пожелала ее тамъ посѣтить, чтобы самой видѣть, какъ ей тамъ живетъ. Она думала, не образумилась ли наконецъ ея дочь; но побывавъ у ней въ Дивѣвѣ и вида, что она попрежнему безумствуетъ, очень опечалилась. Изъ Дивѣва прошла она въ Саровскую пустынь и посѣтила келлію старца Серафима. О. Серафимъ строго сказалъ ей: «перестань ты преслѣдовать твою дочь Пелагію она не сумасшедшая, а избранница Божія: это не сумасшествіе, а путь юродства», и сильно упрекалъ ее за жестокое обращеніе съ дочерью. Тогда Прасковья Ивановна возвратилась въ Дивѣевъ монастырь и внесла 500 рублей въ этотъ монастырь вкладу, для прокормленія и содержанія Пелагіи Ивановны, которую потомъ посѣщала и ласково съ нею обращалась до

самой своей смерти. Но и въ Дивѣевѣ жизнь Пелагіи Ивановны не измѣнилась, была самая многострадальная: цѣлыхъ сорокъ семь лѣтъ прожила она въ Дивѣевскомъ монастырѣ, и все это время, можно сказать, было непрерывною цѣпью для нея всякихъ злостраданій тѣлесныхъ. Это была именно самовольная мученица Христова, обрекая себя на всѣ виды лишеній, истязаній и поношеній. Когда пріютившая ея дивѣевская старица Іуліанія Григорьевна скончалась, Пелагія Ивановна пришла къ дивѣевской послушницѣ, нынѣ расофорной монахинѣ, Аннѣ Герасимовнѣ, схватила ее въ охапку, подняла и поставила на лавку, затѣмъ поклонилась ей почтительно, касаясь рукою до земли, и сказала: «Послужи мнѣ, Венедиктъ, Богъ тебя не оставит!» и опять поклонилась ей въ ноги. Съ этихъ поръ Анна Герасимовна стала жить съ нею въ келліи и ей прислуживать, каковое послушаніе и проходила при ней до самой ея блаженной кончины. Въ 1848 году, послѣ двухлѣтняго пребыванія Пелагіи Ивановны въ Дивѣевскомъ монастырѣ, скончался ея супругъ на Нижегородской ярмаркѣ отъ холеры. Она по прежнему безумствовала: бѣгала по монастырю, шумѣла, рѣдко когда бывала въ келліи, а большую часть дня проводила въ монастырскомъ дворѣ, гдѣ сидѣла или въ ямѣ, выкопанной ею и наполненной всякимъ навозомъ, который она носила всегда въ пазухѣ своего платья, или же въ сторожкѣ въ углѣ, гдѣ и занималась Іисусовою молитвою. Часто бѣгала по монастырю, бросала камни, била стекла въ келліяхъ, колотила руки свои и ноги о каменные стѣны монастырскихъ построекъ, или о заборы; иногда становилась на гвозди голыми ногами и прокалывала ими ноги насквозь; всегда лѣтомъ и зимою ходила босикомъ, и вообще всячески истязала свою плоть. Дивѣевскія монахини поначалу очень не любили юродивую, которая причиняла имъ безпокойство своимъ буйнымъ поведѣніемъ, и только немногія изъ нихъ понимали ее и прозрѣвали въ ней подвижницу Божію. Зачастую приходилось ей и въ Дивѣевѣ испытывать побои, слышать жестокія укоризны отъ монахинь. Въ трапезу монастырскую Пелагія Ивановна никогда не хо-

дила, питалась преимущественно хлѣбомъ и водою и когда бывало проголодается подъ вечеръ, пойдетъ нарочно подъ келліи нелюбившихъ ее монахинь просить хлѣба, а ее вмѣсто хлѣба, награждали тамъ пинками и выталкивали вопъ. Зачастую по два, по три дня пребывала безъ пищи юродивая и отнюдь отъ этого не ослабѣвала, напротивъ еще проворнѣе и шибче бѣгала тогда по монастырю. Около двадцати лѣтъ прожила такимъ образомъ въ Дивѣвскомъ монастырѣ блаженная старица, юродствуя и претерпѣвая всякія злостраданія и поношенія. Но свѣтъ благодатныхъ даровъ, въ ней обитавшихъ, все болѣе сталъ сіять и привлекать къ ней вниманіе и уваженіе людей. Самыя монахини, прежде ее гнавшія, увидѣли, что неправильно преслѣдуютъ рабу Божию. Пелагія Ивановна стала предсказывать многимъ, что съ ними случится, иногда прозрѣвая за нѣсколько десятковъ лѣтъ событія, и слова ея сбывались во всей точности. Къ пей сталъ стекаться со всѣхъ сторонъ народъ: люди разныхъ званій и состояній спѣшили ее видѣть и услышать отъ нея мудрое слово назиданія, или обличенія, или утѣшенія, или совѣта духовнаго, смотря каждый по своей потребѣ. И юродивая каждому умѣла сказать по своему нужное и душеполезное: обладая прозорливостію, говорила съ иными ласково, а съ иными грозно, иныхъ вовсе отгоняла отъ себя и бросала камнями, другихъ жестоко обличала, при чемъ голосъ ея, какъ нѣкогда у блаженнаго Христа ради юродиваго Андрея, подобно колоколу звучалъ сильно и благодатно, такъ что кто ее слушалъ, не скоро могъ забыть потрясающаго дѣйствія ея словъ. А говорила она почти неумолкаемо, то иносказательно, то прямо и ясно, смотря по потребѣ душевной слушавшихъ.

Послѣ двадцатилѣтняго подвижничества въ Дивѣвскомъ монастырѣ, Пелагія Ивановна вдругъ рѣзко измѣнила образъ своей жизни. Однажды сказала она своей сожительницѣ Аннѣ Герасимовнѣ: «сейчасъ былъ у меня батюшка Серафимъ, и велѣлъ мнѣ молчать и находиться болѣе въ келліи чѣмъ на дворѣ». И дѣйствительно она замолчала и рѣдко кого удостоивала своимъ разговоромъ, говорила мало отры-

вистыми фразами, болѣе сидѣла въ келліи, и подобно преподобному Арсенію Великому, стала избѣгать людей и болѣе внимать себѣ. Въ это время подвиги ея духовные были самые разнообразныя. Та цѣпь желѣзная, которую пѣкогда приковывали ея ея мужъ и которую она принесла съ собою въ Дивѣевъ, служила и теперь ей подчасъ веригами, а подчасъ и изголовьемъ. Спала она и сидѣла всегда на полу, и непремѣнно около входной двери въ келлію, такъ что проходящіе нерѣдко наступали на нее или обливали ее водою, что видимо доставляло ей удовольствіе. Какъ только всѣ въ кельяхъ улягутся на почъ спать, Пелагія Ивановна тоже притворявшаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву и молилась всегда почти до утра, тихо плакала и вздыхала на молитвѣ, а иногда въ восторгѣ духовномъ громко восклицала, чѣмъ и будила приходившую иногда къ ней на ночь келейницу ея Анну Герасимовну, при чемъ притворялась спавшею и восклицавшею во снѣ. Пищу принимала умеренно, питалась преимущественно чернымъ хлѣбомъ, который носила всегда за пазухою и катала изъ него шарики. Эти шарики служили ей вмѣсто четокъ при совершеніи молитвы Иисусовой, и это было почти постоянное ея занятіе. Любила она очень цвѣты, и если имѣла ихъ подъ рукою, задумчиво ихъ перебирала, тихо нашептывая молитву. Въ послѣднее время жизни, цвѣты всегда почти имѣлись у ней въ рукахъ, ибо ихъ приносили ей усердствующіе сдѣлать ей угодное люди, и эти цвѣты видимо ее утѣшали; перебирал ихъ и любуясь ими, она дѣлалась свѣтлою и радостною, точно витала умомъ своимъ уже въ иномъ мірѣ. Однажды лежала она на полу келліи подлѣ топившейся печи; горячій уголь выскочилъ изъ печи и упалъ ей на високъ. Она не пошевелилась его принять, лежала до тѣхъ поръ, пока уголь совершенно не погасъ и не охладѣлъ. Ногтей своихъ Пелагія Ивановна никогда не обрѣзывала и никогда не ходила въ баню; вообще тѣло свое всячески истязала и угнетала, къ чему служили ей, кромѣ вышеупомянутой памятной для нея желѣзной цѣпи, всевозможныя средства, которыя она

иногда очень остроумно для себя измышляла. Подвиги юродивой стали привлекать къ ней вниманіе Дивѣевскихъ монахинь, и прежнее нерасположеніе къ ней многихъ изъ нихъ смѣнилось уваженіемъ. Въ келлію къ ней стали ходить многія изъ нихъ, чтобы посмотрѣть на подвижницу, или поживиться отъ нея подачками, ибо мірскіе люди приносили ей разные подарки, которые она принимала, но не пользовалась ими, а раздавала ихъ приходившимъ къ ней монахинямъ. Но были среди ихъ и такія, которыя продолжали упорно преслѣдовать подвижницу Божію своею ненавистью и всячески осуждали ее и укоряли. Таковыхъ особенно любила Пелагія Ивановна и всячески старалась имъ платить за зло добромъ. Инокіи, приверженныя къ юродивой подвижницѣ, глубоко вѣровали въ силу ея молитвъ, искали у нея наставленія духовнаго и обрѣтали его въ ея усѣченныхъ прозорливыхъ рѣчахъ. Такъ одна благочестивая монахиня Дивѣевская сильно къ ней привязалась, и видя подвиги юродивой, дерзнула просить у Господа, чтобы Онъ указалъ ей, вѣренъ ли путь, по которому идетъ эта подвижница Божія и ведетъ ли ее къ спасенію, ибо часто приходилось ей слышать разнорѣчивыя сужденія о семъ другихъ монахинь, и сердце ея колебалось иногда сомнѣніями по этому поводу. Господь услышалъ ея молитву: она увидѣла во снѣ, что Пелагія Ивановна идетъ по двору монастырскому, и два ангела ведутъ ее подъ руки. Когда проснувшись монахиня эта пошла къ Пелагій Ивановнѣ, чтобы рассказать ей свой сонъ, та предварила ея рассказъ строгимъ запрещеніемъ, чтобы никому не говорила она того, что видѣла во снѣ.—Одна мірская образованная особа, въ настоящее время монахиня Дивѣевскаго монастыря, еще до поступленія своего въ монастырь, посѣтила вмѣстѣ съ родственницею своею Дивѣевскій монастырь, гдѣ ей очень понравилось, такъ что она сама пожелала туда поступить, хотя имѣла жениха, по имени Сергія. Когда пришла она въ келлію Пелагіи Ивановны и спросила ее: идти ли ей въ монастырь? та вичего ей не отвѣтила, и хотя вопросъ этотъ неоднократно предлагался ей посѣтителю-

ницею, продолжала упорно молчать. Посѣтительница наконецъ сказала, что она совершенно еще свободна, можетъ располагать собою и испросить согласіе и благословеніе родителей своихъ на поступленіе въ монастырь. Пелагія Ивановна и на это отвѣчала ей молчаніемъ и только зорко смотрѣла на нее, отъ чего жутко стало посѣтительницѣ; казалось ей, точно насквозь видитъ она всю ея душу. Въ это время мелькнула въ ней мысль о женихѣ, и она подумала при этомъ, не онъ ли служить преградою ей къ поступленію въ монастырь, и не это ли означало молчаніе прозорливицы. Пелагія Ивановна, провидя духомъ ея помыслъ, быстро встала съ пола, гдѣ сидѣла, выпрямилась во весь ростъ, протянула къ посѣтительницѣ свою руку и сказала: «живи, какъ ты живешь, Сергѣй смертный!» Посѣтительницу очень удивило, что не зная дотолѣ ее и не зная ея жениха, она прямо назвала его по имени, и притомъ такъ знаменательно, какъбы предсказывая ему смерть. Дѣйствительно такъ и случилось: женихъ ея вскорѣ умеръ, и она, вполне свободная, поступила въ Дивѣевскій монастырь и прилѣпилась къ Пелагій Ивановнѣ самою искреннею любовію, стала любимою ея ученицею и много потомъ потрудила въ собираніи и записываніи вѣрныхъ сказаній о жизни и подвигахъ блаженной подвижницы. Пелагія Ивановна не чужда была и дара цѣлебнаго: много случаевъ было, когда она приходившихъ къ ней съ разными болѣзнями, или ударяла рукою по больному мѣсту, или поила чаемъ изъ своей чашки и блюда, и послѣ того больные исцѣлялись и не чувствовали прежнихъ своихъ страданій. Такъ одна сестра Покровской Мѣдянскои общины, проходившая клиросное послушаніе, заболѣла сильно, такъ что не могла проходить своего послушанія, отъ чего отговаривали ее также братья ея и сестра, проживавшіе въ мірѣ. Но она никакъ не рѣшалась оставить свое послушаніе и рѣшилась ѣхать къ Пелагій Ивановнѣ за совѣтомъ, какъ ей быть въ этомъ отношеніи. Приѣхавъ въ Дивѣевскій монастырь съ сестрою своею, она вмѣстѣ съ нею пошла въ келлію Пелагіи

Ивановны и нашла ее лежащею на прилавкѣ и окруженною многими посѣтителями, которые спрашивали ее каждый про свою нужду. Подождавъ, пока старица отвѣтитъ вопрошавшимъ, пришедшія сестры стали поодаль и не смѣшили вопрошать Пелагію Ивановну; но она сама обратилась къ нимъ и устремила взоры свои на монахиню больную. Когда онѣ ближе подошли къ ней, она начала бить кулакомъ сестру монахини, при чемъ что-то про себя ворчала. Затѣмъ съ ласковымъ взглядомъ обратилась къ монахинѣ и протянувъ ногу свою, уперлась ею въ животъ монахинѣ, губами же все что-то тихо шептала. И что же? Послѣ этого боль въ животѣ у монахини совершенно прекратилась, и она могла попрежнему свободно пѣть и проходить клиросное послушаніе въ своей обители. А сестру ея видимо наказала старица за то, что убѣждала она сестру свою монахиню оставить свое послушаніе.

Послушница Надежда Разстригина, Покровской Мѣдянской общины, еще до поступленія своего въ эту общину, путешествовала съ матерью своею на богомолье въ Кіевъ, и по пути зашли они въ Серафимо-Дивѣвскій монастырь и посѣтили Пелагію Ивановну. На вопросъ матери, благополучно ли совершить она съ дочерью своею путь свой въ Кіевъ? старица закрыла глаза, сложила руки, вытянулась всѣмъ своимъ тѣломъ на лавкѣ, гдѣ лежала, и припала видѣ мертвой, говоря при этомъ: «я умру! я умру!» Путешественница подумала, что это ей смерть пророчить старица и, заплакавъ, спросила ее: «матушка, видно, я дорогой помру?» Старица на это ей отвѣтила: «молоденькая дочка помретъ». Надежда думала, что эти слова къ ней относятся и всю дорогу въ Кіевъ и обратно ожидала себѣ смерти. Пришедъ же домой, узнала, что въ ихъ отсутствіе меньшая ея сестра Марія захворала и скончалась, и что къ ней именно относились пророческія слова старицы. Тогда же Надежда просила себѣ благословенія у старицы поступить въ монастырь. Она дала ей поцѣловать свою руку и тихо сказала ей: «бѣги въ монастырь!» — «Въ какой же монастырь идти мнѣ?»

еще спросила ее Надежда. «Который не далеко устраивается», отвѣтила ей старица. Надежда, возвратившись домой, съ благословенія родителей своихъ дѣйствительно поступила въ повоустроаемую невдалекѣ отъ ея села Покровскую Мѣднскую женскую общину. — Она имѣла еще двадцатилѣтнюю сестру Агриппину, которая заболѣла. Мать больной пошла въ Серафимо - Дивѣвскій монастырь къ Пелагій Ивановнѣ попросить молитвы ея о болящей дочери и спросить ее: выздоровѣетъ ли она или помретъ? Старица на всѣ ея вопросы упорно молчала, держала въ рукахъ своихъ букетъ цвѣтовъ и пристально ихъ разсматривала. Тогда послушница ея, Анна Герасимовна, сказала ей: «матушка, утѣшите вы эту женщину, скажите ей что-нибудь на счетъ ея больной дочери». Тогда старица взяла изъ букета вѣтку сирени и начала ею любоваться, приговаривая: «Груша, груша!» Потомъ поднесла этотъ цвѣтокъ къ лицу матери больной и сказала: «вотъ этотъ цвѣтокъ и Богу будетъ хорошъ!» Этимъ означалось, что больная дочь ея умретъ, что дѣйствительно въ скорости и совершилось.

Еще прибыла къ Пелагій Ивановнѣ одна госпожа богато одѣтая; старица подозвала ее къ себѣ и начала бить ее кулакомъ по плечу, ничего не говоря ей и только ласково улыбаясь. Госпожа радостно стояла и принимала удары отъ старицы, и потомъ поклонилась ей въ ноги и благодарила за исцѣленіе. У нея нѣсколько лѣтъ уже сильно болѣло то самое плечо, по которому ударяла ее старица, а послѣ ея удареній боль совершенно прошла и стала она владѣть рукою безъ всякихъ страданій. — Кто приходилъ къ ней съ вѣрою, таковыхъ принимала она ласково, какъ родныхъ, а невѣрующихъ и сомнящихся обличала, иногда же била и выгоняла изъ своей келліи. Не любила также, если приходили къ ней не по нуждѣ, а отъ простаго любопытства: таковыхъ тоже часто выгоняла отъ себя, толкала и била, приговаривая: «галки, галки, прочь отсюда!» Ничего не укрывалось отъ прозорливой старицы, она прозрѣвала самыя мысли приходившихъ къ ней, рассказывала все ихъ прошедшее

и будущее иногда за нѣсколько лѣтъ впередъ, видѣла далеко совершавшееся, какъбы сама тамъ присутствовала, помогала даже заочно ее призывавшимъ въ бѣдахъ и недугахъ и предваряла ихъ недоумѣнія своими совѣтами, которые писала на клочкахъ бумаги и посылала во время благопотребное духовно-любимымъ ею лицамъ. Однажды Пелагія Ивановна пила чай въ своей келліи: ей налили чашку чая и подали; но она, взявши ее въ руку, вдругъ поднялась съ полу, гдѣ сидѣла, побѣжала съ чашкою на дворъ и тамъ вылила чай на землю, пришептывая при этомъ что-то губами. На другой день пришла къ ней одна бѣдная крестьянка изъ сосѣдняго села и слезно благодарила ее, что спасла ея избу и амбаръ отъ пожара, при чемъ рассказывала, что у нихъ загорѣлось село, пламя начало приближаться къ ея двору, и амбаръ ея съ хлѣбомъ уже загорѣлся. Въ это время она упала на колѣни и закричала: Пелагія Ивановна, спаси! И какъ только сказала она это, загорѣвшаяся кровля амбара сама начала гаснуть, точно кто заливалъ ее водою; вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и дворъ ея со всѣми постройками остался цѣлъ и невредимъ. Когда спросили эту женщину, въ какое время это случилось, оказалось, что передъ вечеромъ, именно въ то самое время, когда старица вылила свою чашку чаю на дворъ, и притомъ по направленію именно къ тому селу, которое горѣло.

Родной племянникъ Пелагіи Ивановны, Дмитрій Андреевичъ Суринъ пріѣзжалъ три раза изъ Арзамаса просить ея благословенія на женитьбу, на одной изъ избранныхъ имъ невѣстъ, и всѣ три раза старица не благословляла его жениться, чѣмъ женитьба его и разстраивалась, ибо никакъ не хотѣлъ онъ поступать вопреки блаженной своей теткѣ. Наконецъ въ четвертый разъ засваталъ онъ небогатую невѣсту и пріѣхалъ за благословеніемъ къ Пелагіи Ивановнѣ. Она ласково его встрѣтила, благословила жениться и дала ему большое красное яблоко въ даръ, что означало счастливую ему будущность. Дѣйствительно, племянникъ ея, женившись, счастливо жилъ съ своею женою.

Иеромонахъ Тверскаго архіерейскаго дома Антоній, тревожился мыслью, гдѣ ему лучше жить, въ городѣ ли, или гдѣ-либо въ пустынной обители. Желая узнать о семъ волю Божию, онъ письменно обратился къ Пелагій Ивановнѣ и просилъ ее дать ему совѣтъ по этому поводу. Старица прислала ему въ отвѣтъ клочокъ бумаги, на которомъ было написано: «въ Нилову пустынь». Иеромонахъ перемѣстился въ Нилову пустынь и обрѣлъ тамъ полное спокойствіе духа. Тотъ же иеромонахъ подвергся гоненіямъ и просилъ одного своего духовнаго сына, отправлявшагося въ Дивѣвскій монастырь къ Пелагій Ивановнѣ, рассказать ей о его скорбяхъ и испросить ему ея совѣтъ и святыя молитвы. Старица, выслушавъ сказанное ей отъ его имени, сказала: «гоненіе, которое онъ претерпитъ, въ радость ему обратится». И дѣйствительно, по прошествіи двухъ лѣтъ разныхъ гоненій и скорбей, иеромонахъ этотъ отъ всего этого освободился, сталъ жить покойно и радостно, и благодарилъ блаженную старицу, за два года впередъ такъ ясно ему это предсказавшую.

Художникъ М. П. Петровъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Пелагій Ивановны и нареченный ею сыномъ ея духовнымъ, вотъ что рассказываетъ о первомъ знакомствѣ своемъ съ нею: «послѣ бурной моей жизни рѣшился я поступить въ монастырь, но никакъ не могъ сладить съ этимъ дѣломъ. Побывалъ я и на Аѳонѣ, и въ Иерусалимѣ, и на возвратномъ пути случайно заѣхалъ въ Саровъ и Дивѣвъ. Это было въ 1874 году. На второй день приѣзда въ Дивѣвъ свели меня въ келью юродивой Пелагій Ивановны, о которой много дивнаго я слышалъ. Когда взшелъ я въ ея комнату, меня такъ поразила ея обстановка, что я сразу не могъ понять, что это такое. На полу сидѣла старая, скорченная и грязная старуха, съ огромными ногтями на рукахъ и босыхъ ногахъ, которые произвели на меня потрясающее впечатлѣніе. Когда мнѣ сказали, что это и есть Пелагія Ивановна, я нехотя ей поклонился и пожалѣлъ, что пошелъ къ ней. Она недостойла меня отвѣтомъ на поклонъ мой и съ полу

перешла на лавку, гдѣ и легла. Я подошелъ къ ней и спросилъ: «сиди ли мнѣ въ монастырь, или жениться?» Она ничего на вопросъ мой не отвѣтила и только зорко на меня смотрѣла, своими быстрыми блестящими глазами. Я повторилъ раза три тотъже вопросъ и, не получая отъ нея отвѣта, ушелъ раздосадованный и разочарованный, рѣшившись болѣе къ ней уже не ходить. Проживъ цѣлый мѣсяцъ въ Дивѣвѣ въ монастырской гостиницѣ, я часто слышалъ упреки отъ монахини - начальницы гостиницы въ моемъ невѣріи благодарнымъ дарамъ Пелагіи Ивановны и по настоящему ея требованію рѣшился еще разъ пойти въ ея келью, и съ большою неохотою пошелъ, лишь бы мнѣ болѣе ею не надоѣдали. Когда вошелъ я въ келью Пелагіи Ивановны, то нашелъ ее по прежнему сидѣвшею на полу. Но она немедленно по приходѣ моемъ встала и выпрямилась предо мною во весь ростъ: это была женщина высокаго роста и очень красиво сложенная, съ необыкновенно живыми, блестящими и пронзительными глазами. Постоявъ предо мною, она начала бѣгать по комнатѣ и хохотать, подбѣжала ко мнѣ, ударила меня по плечу и сказала: «ну что?» У меня давно болѣла эта самая рука отъ паралича, но послѣ ударенія Пелагіи Ивановны боль въ ней мгновенно и совершенно прошла. На меня напалъ необычайный страхъ: я ничего не могъ ей сказать, молчалъ и весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Потомъ она начала обстоятельно рассказывать мнѣ всю мою прошлую жизнь и такія тайныя обстоятельства ея, которыхъ кромѣ меня никто не зналъ; даже рассказала содержаніе писемъ, которыя послалъ я тогда въ Петербургъ. Это такъ меня поразило, что я невольно упалъ предъ нею на колѣни и подѣловалъ ея руку. Съ этого времени сталъ я усерднымъ ея посѣтителемъ и почитателемъ, неотступно надоѣдалъ ей своими просьбами и вопросами и удостоился ея расположенія, такъ что не только на личные вопросы, но и на письма мои она всегда охотно и прозорливо отвѣчала. Я часто къ ней ѣздилъ и подолгу проживалъ въ Дивѣвѣ, собственно чтобы видѣть и слышать дивную старицу. Прозорливость

ея была воистину поразительная: родной моей сестрѣ предсказала она смерть за два года, и не ошиблась: какъ сказала, такъ и сбылось, день въ день по ея словамъ скончалась моя сестра. Разъ собрался я ѣхать въ Бологое, гдѣ жилъ священникъ Николай Гайдовскій, бывшій миссіонеръ, о которомъ я слышалъ, что онъ мужъ высококой опытности духовной, и хотѣлъ съ нимъ повидаться и поговорить. Но я не рѣшался къ нему ѣхать безъ совѣта и благословенія Пелагіи Ивановны и написалъ ей письмо объ этомъ. Когда письмо было уже готово и я собрался идти нести его на почту, входитъ почталіонъ и приноситъ мнѣ письмо отъ Пелагіи Ивановны. Къ удивленію моему, въ своемъ письмѣ она строго воспрещала мнѣ ѣхать въ Бологое къ отцу Николаю, и очень поразила меня тѣмъ, что за столько верстъ прозрѣла она мое намѣреніе туда поѣхать и предупредила мое письмо о семъ своимъ отвѣтомъ.— Въ 1881 году я заболѣлъ дифтеритомъ, пять сутокъ лежалъ безъ чувствъ, на шестыя сутки стало мнѣ легче и я, взглянувъ на портретъ Пелагіи Ивановны, сказалъ ей: «Что ты меня не навѣстишь; когда ты была больна, я нарочно къ тебѣ ѣздилъ». Немного погодя заснулъ и вижу во снѣ, что Пелагія Ивановна стоитъ около меня и говорить: «вотъ я и пришла тебя навѣстить, не бойся, не умрешь!» Благодарю всегда Бога, что удостоилъ Онъ меня видѣть такую рабу Божию и не только удостоилъ видѣть, но даже называться ея сыномъ.

Настоятельница Серафимо-Дивѣвскаго монастыря, игуменія Марія, старица Пелагія Ивановна тоже неоднократно предсказывала разныя событія въ ея жизни, а также событія въ монастырѣ, и эти предсказанія въ точности всегда сбывались. Такъ во время скорбныхъ неурядицъ въ монастырѣ, когда игуменія Марія была отрѣшена отъ настоятельства и на ея мѣсто была избрана другая, Пелагія Ивановна громко всѣмъ говорила, что не быть у нихъ настоятельницы иной, кромѣ игуменія Марія, и войдя къ святымъ воротамъ во время пребыванія въ монастырѣ слѣдственной комиссіи по этому дѣлу, легла въ воротахъ и громко обличала виновни-

ковъ и виновницъ смущенія въ обители. Дѣйствительно, вскорѣ правда восторжествовала въ этомъ дѣлѣ, и по прозорливому слову Пелагіи Ивановны игуменія Марія опять стала настоятельницею Дивѣвскаго монастыря, враждовавшія же противъ нея лица должны были вовсе удалиться изъ обители.

Въ книгѣ: «Письма Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ особамъ и другимъ лицамъ» (собраны и изданы Саввою архіепископомъ Тверскимъ и Капшинскимъ. Тверь. 1888 г.), на стр. 25, имѣется письмо митрополита Филарета къ Исидору митрополиту Новгородскому; вотъ что пишетъ Филаретъ по поводу Дивѣвскаго дѣла и участія въ немъ Нижегородскаго архіепископа Нектарія Надеждина, который вопреки выбору Дивѣвскихъ монахинь, въ числѣ 400 выбравшихъ Елисавету Ушакову въ настоятельницы, нынѣ игуменію Марію, выбралъ въ угоду іеромонаху Іоасафу Гликерію Занятову, и усиливался удержать ее въ этомъ санѣ вопреки постановленію Св. Синода, рѣшившаго быть настоятельницею Елисаветѣ: «Послѣ избранія Гликерія; одна живущая въ Дивѣвѣ и уважаемая тородивая, ударила преосвященнаго Нектарія въ щеку». Объ этомъ есть въ запискахъ Дивѣвскихъ монахинь такое сказаніе: преосвященный Нектарій самъ пріѣхалъ въ Дивѣвѣ, собралъ монахинь въ церковь и рѣзко уговаривалъ ихъ принять избранную имъ настоятельницею Гликерію, и когда тѣ не соглашались, грозилъ разорить ихъ монастырь. Тогда вдругъ подбѣжала къ нему Пелагія Ивановна и громко крикнула ему: «не быть по твоему, а по Божьему, быть Елисаветѣ, а не Гликерію!» и при этомъ (едва ли простительная дерзость) ударила его въ щеку при всемъ народѣ, такъ что преосвященный чуть не упалъ.

Однажды Пелагія Ивановна предсказала игуменіи Маріи тяжкую болѣзнь слѣдующимъ образомъ: рѣдко выходявшая уже изъ келліи своей, Пелагія Ивановна вдругъ вышла изъ нея и пошла въ игуменскія келліи. Игуменія Марія была въ то время въ храмѣ Божіемъ въ обѣднѣ, а старица, встрѣченная келейницами, прошла прямо въ спальню игуменіи, легла на ея постель, полежала немного, стоная и охая, какъбы боль-

ная, и вообще дѣлала много намековъ на то, что здѣсь будетъ скоро больная. Потомъ стала уходить. Келейницы игуменіи предложили ей чаю, и она не отказалась, выпила двѣ чаши, и ушла къ себѣ еще до прихода игуменіи отъ обѣдни. Игуменія Марія вскорѣ потомъ дѣйствительно сильно запемогла, была при смерти и около шести мѣсяцевъ пролежала и не выходила изъ келліи.

За пять лѣтъ до кончины своей Пелагія Ивановна была сильно больна, и не было уже надежды къ ея выздоровленію, всѣ ждали со дня на день ея кончины. Тогда, въ присутствіи игуменіи, казначеи и многихъ сестеръ Дивѣвскаго монастыря была она освящена св. елемъ священнослужителями монастыря и причащена св. Христовыхъ таинъ. Игуменья и сестры плакали навзрыдъ, прощаясь со старицею при концѣ елеосвященія, а она съ ангельскою улыбкою только глядѣла на нихъ своими кроткими, пронизательными глазами, переводя ихъ съ одного лица на другое, какъбы прозрѣвая всѣ внутренніе помыслы предстоявшихъ. Въ рукахъ у нея, по обычаю, былъ букетъ цвѣтовъ, которые она перебирала пальцами своими, и ничего скорбнаго въ ней не было тогда примѣтно, точно провидѣла она, что напрасно сестры такъ плачутъ за нее, что она еще не умретъ. И дѣйствительно она тогда выздоровѣла, но стала съ тѣхъ поръ видимо слабѣть силами тѣлесными, которыя годъ отъ году у нея уменьшались. Въ 1883 году, за полгода до своей кончины, Пелагія Ивановна начала сильно кашлять и часто стала говорить близкимъ къ ней сестрамъ: «скоро, скоро умру!» Съ наступленіемъ 1884 года старица совершенно ослабѣла и слегла на одръ; у ней открылось воспаленіе легкихъ, но старица паотрѣзъ отказалась отъ всякихъ лекарствъ земныхъ и тяжело страдала. 24 января 1884 года по ея желанію ея обособовали и причастили св. таинъ. За три дня до кончины ея священникъ Дивѣвскаго монастыря о. Іоаннъ Смирновъ, родной племянникъ въ Бозѣ почившаго претоіерея о. Василя Садовскаго, скончавшагося незадолго до смерти Пелагіи Ивановны въ одинъ съ нею годъ, въ сопровожденіи клиросныхъ

сестерь, принесъ къ ней въ келлію св. Христовы тайны, и сталъ убѣждать ее еще причаститься, по она отклонялась, какъбы не рѣшаясь на это. О. Іоаннъ однако настаивалъ и совѣтовалъ ей причаститься, говоря, что это ей не повредитъ, а только облегченіе ей принесетъ, такъ какъ дыханіе ея было уже затруднительно. Старица сказала ему: «помолись за меня!» а потомъ, когда священникъ продолжалъ настаивать, тихо спросила его: «а не грѣхъ будетъ во второй разъ въ день?» Священникъ не понялъ этихъ ея словъ и она вторично повторила свой вопросъ: «не грѣхъ ли?» и не получивъ отвѣта, замолчала. Тогда одна близкая къ ней сестра Дивѣвской обители, тутъ стоявшая, обратилась къ келейницѣ ея Аннѣ Герасимовнѣ и спросила ее, что значать эти слова старицы: «не грѣхъ ли?» Та призадумалась и тихононько сказала: «сегодня ночью я проснулась и вижу во всѣхъ окнахъ келліи свѣтъ, испугалась, думая, не пожаръ ли случился, что въ окна точно огонь отражается. Посмотрѣла въ окно, ничего нѣтъ похожего на пожаръ, а только Пелагія Ивановна стояла у своей кровати вся во свѣтъ, съ скрещенными на груди руками и принимала св. тайны отъ ангела. Вотъ почему, думается мнѣ, говоритъ она теперь: «не грѣхъ ли?»; это значить, что уже сегодня причащалась». Нельзя ручаться, чтобы это не была прелесть вражія. Священникъ завѣрилъ старицу, что грѣха не будетъ, и она причастилась св. тайнъ, облобызала св. чашу и приложилась къ св. кресту, которымъ осѣнилъ ее, уходя, священникъ. Келейница ея и другія приближенныя къ ней сестры безотлучно при ней находились, день и ночь наблюдая за нею, при чемъ замѣчали, что лице старицы иногда измѣнялось, оживлялось, глаза блистали, устремляясь въ высоту и по сторонамъ, точно созерцала она таинственныя небесныя видѣнія; но когда спрашивали блаженную старицу сидѣвшія при ней сестры: что она видитъ и созерцаетъ? она молчала и ничего не объясняла. Потомъ вдругъ стала она мрачною и повернула голову къ стѣнѣ и грубымъ сердитымъ голосомъ стала говорить и препираться, грозя пальцемъ: «нѣтъ, этого я не дѣлала, это вы кле-

вещете!» Видимо преширалась она съ невидимыми врагами спасенія человѣческаго, смущавшими ее своими привидѣніями и клеветами.—Въ послѣдніе часы жизни старица сильно страдала, кашель и мокрота душили ее и стѣсняли ей дыханіе, такъ что жалъ было на нее смотрѣть. Но ни жалобы, ни ропота, не было слышно отъ нея, кротко и молчаливо терпѣла она свои страданія. Не задолго до кончины старица вдругъ привстала на своей кровати, протянула руки свои, высоко ихъ подняла и съ сіяющимъ радостію лицомъ воскликнула: «Матерь Божія!» затѣмъ въ изнеможеніи упала на постель, склонила голову свою на подушку и тихо скончалась. Это было въ половинѣ второго часа ночи на 30 января 1884 года, на праздникъ Трехъ Святителей. При кончинѣ ея присутствовала казначей монастыря монахиня Елена, келейницы ея и четыре особенно приверженныхъ къ ней сестры, которыя неутѣшно плакали и рыдали за нее и, можно сказать, своими слезами омыли ее мертвое тѣло. Поклонившись до земли новопреставленной старицѣ, казначей удаллась сдѣлать нужныя распоряженія касательно опрятанія ея тѣла, а преданныя ей сестры съ рыданіями начали ее омывать и одѣвать, при чемъ въ келліи ощущался особенно пріятный запахъ, точно отъ какихъ духовъ, хотя таковыхъ ни у кого тогда не было. До 4 часовъ дня 30 января, тѣло святопочившей старицы стояло въ ея келліи, а передъ всеобщимъ бдѣніемъ было положено въ кипарисовый гробъ, и торжественно перенесено руками сестеръ монастыря въ Тихвинскую церковь, гдѣ и стояло до 6 февраля на высококомъ катафалкѣ, окруженное многими горящими свѣчами въ подсвѣчникахъ. Около гроба и въ рукахъ почившей были живые цвѣты, которые она такъ любила при жизни и которыми любящія ее сестры, несмотря на зимнее время, поусердствовали въ послѣдній разъ ее украсить. Народъ во множествѣ стекался поклониться блаженной старицѣ изъ окрестныхъ селъ и деревень, изъ г. Арзамаса и изъ г. Ардатова, гдѣ славно было ея имя, какъ прозорливицы и чудотворицы. Папскихъ неоднократно въ день служились надъ ея гробомъ монастыр-

скими священниками, и одинъ изъ нихъ, о. Іоаннъ Гусевъ, при погребеніи старицы, произнесъ трогательное слово въ память ея, вызвавшее громкія рыданія присутствовавшихъ сестеръ, изъ которыхъ многія теряли въ ней мать, наставницу и совѣтницу на все доброе и душеспасительное. 6 февраля, чрезъ 8 сутокъ послѣ смерти, совершилось торжественно погребеніе блаженной старицы, и во все это время тѣло ея пребывало чуждо тлѣнія, не было отъ нея ни малѣйшаго смертнаго запаха и самый видъ лица ея былъ свѣтелъ и благолѣпенъ. Съ важною думою, какъбы созерцая видѣніе радостное, застыли смертнымъ хладомъ черты лица старицы, и казалось, поживаетъ она только отъ многихъ трудовъ своихъ на этомъ своемъ одрѣ погребальномъ. Съ особенною заботою была устроена могила ей распоряженіемъ начальства монастырскаго, выложена камнемъ, съ прочнымъ сводомъ поверхъ ея. Гробъ ея запертъ замкомъ при опущеніи въ могилу, которая чрезъ два года осѣнена памятникомъ въ видѣ колонны, съ четырьмя надписями на ней съ четырехъ сторонъ и обнесена чугуною золоченою рѣшеткою.

Кончина старицы и погребеніе ея ознаменовались исцѣленіями, которыя еще болѣе утвердили дивѣвскихъ монаховъ въ томъ, что святопочившая старица велика предъ Господомъ.

Дивѣвская старица Матрона Θεодотіевна страдала острою болью въ колѣнѣ правой ноги, такъ что еле могла ходить и съ трудомъ припелась, чтобы поклониться мертвому тѣлу Пелагіи Ивановны. Какъ только поцѣловала она руку почившей, тотчасъ же почувствовала, что боль въ колѣнкѣ у ней прошла; попробовала нѣсколько разъ вытянуть свою правую ногу, чего прежде отнюдь не могла: нога вытягивалась и сгибалась свободно, безо всякой боли, и она тогда же всѣмъ бывшимъ у гроба старицы заявила о своемъ исцѣленіи.—Больничная сестра Дивѣвской обители Ксенія Андреевна болѣе года страдала болью въ рукѣ, которую сильно ломило и сводило судорогою, такъ что она перѣдко громко кричала отъ сильной боли. Лечилась она и у доктора въ г. Ардатовѣ, но

пользы особенной отъ этого леченія не получила. Малое облегченіе доставлялъ ей мѣховой рукавъ, который носила она на больной рукѣ подъ рубахою, и безъ него рѣшительно не могла выходить на воздухъ, ибо малѣйшая сырость или холодъ, коснувшись больной ея руки, причиняли ей сильныя страданія. Подымать тяжести этою рукою и даже закладывать ее за спину или подымать вверхъ совершенно она не могла и считала себя почти калѣкою, неспособною ни къ какой тяжелой работѣ, о чемъ весьма сокрушалась. Когда скончалась Пелагія Ивановна и Ксенію Андреевну въ числѣ другихъ позвали опрятьвать ея тѣло, она такъ заспѣшила идти въ келлію старицы, что забыла надѣть мѣховой рукавъ на больную свою руку и уже на полпути объ этомъ вспомнила, но не захотѣла возвращаться и подумала: «что будетъ, то будетъ, а не ворочусь». Пошла въ келлію почившей старицы безъ мѣховаго рукава, и когда вмѣстѣ съ другими подняла съ одра мертвое ея тѣло, то почувствовала легкость и свободу въ больной своей рукѣ, свободно могла ею поднимать тяжести, закладывать ее за спину и поднимать кверху. Ломота въ ней навсегда прекратилась, а также и судорги, и стала она всеѣмъ здоровою, что и приписала благодатной силѣ молитвъ святопочившей Пелагіи Ивановны.—Старица Дивѣвской обители Матрона Савельевна, больная и лежавшая въ больницѣ монастырской, очень скорбѣла, что не въ силахъ пойти ко гробу Пелагіи Ивановны и поклониться мертвому ея тѣлу. Она уснула, и видитъ во снѣ Пелагію Ивановну, которая сказала ей строго: «какъ ты смѣешь ко мнѣ не прійти, иди, прикоснись ко мнѣ!» Матрона Савельевна въ испугъ проснулась, почувствовала себя здоровою и немедленно пошла въ церковь ко гробу Пелагіи Ивановны, несмотря на то, что было уже 12 часовъ ночи. Поклонившись блаженной старицѣ и поцѣловавъ ея мертвую руку, она здоровая и утѣшенная возвратилась въ свою келлію.

Память о святопочившей старицѣ не умираетъ въ Дивѣвскомъ монастырѣ, но съ благословеніями почитается въ немъ, и прибѣгающіе къ ней съ молитвою получаютъ отъ

нея помощь и мѣлость. Часто служатся папихиды о упокоеніи ея со святыми, на ея могилѣ и въ ея келліи, гдѣ она столько лѣтъ подвизалась. Эта келлія, какъ святыня, сохраняется въ обители въ прежнемъ своемъ видѣ,—въ ней хранятся и всѣ ея убогія келейныя вещи, напоминающія собою добрую подвижницу Христову. Надъ могилою Пелагіи Ивановны, подлѣ соборнаго храма Дивѣвскаго монастыря, воздвигнутъ изящный памятникъ, съ четырехъ сторонъ котораго имѣются слѣдующія надписи: 1) «Пелагія Ивановна Серебрянникова, урожденная Сурина, по благословенію старца Божія іеромонаха Серафима, за святое послушаніе оставила все счастье земной жизни, мужа и дѣтей, принявъ на себя подвигъ юродства и приняла голенія, заушенія, біенія и цѣпи Христа Господа ради. Родилась въ 1809 году, прожила въ монастырѣ 47 лѣтъ и 30 января 1884 года отошла ко Господу 75 лѣтъ отъ роду». 2) «Блаженіи есте, егда попосятъ вамъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжущи, Мене ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Все здѣсь претерпѣвшая и все превозмогшая силою любви твоей къ Богу, любви Его ради потерпи нашу немощъ духовную и крестомъ подвига твоего заступи насъ». 3) «Святотроицкаго Серафимо-Дивѣва монастыря блаженная Пелагія, взявъ крестъ свой ради Бога, на землѣ жила вся въ Богѣ, и на небѣ живетъ вѣчно съ Богомъ». 4) «Блаженіи изгнаши правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. На терпистомъ пути подвига твоего не оставляла ты никого, къ тебѣ прибѣгающаго: не забудь и тамъ, въ блаженствѣ вѣчной Божіей славы, обитель тобою излюбленную». Въ келліи блаженной старицы Пелагіи Ивановны, надъ мѣстомъ обычнаго пребыванія ея, на полу около печи, надъ ложемъ, гдѣ она скончалась, и надъ келейными ея вещами, хранящимися въ ящикѣ подъ стекломъ, находятся слѣдующія три надписи: 1) «Особо благодатное мѣсто, на полу около печки, гдѣ на простомъ жесткомъ тутъ и теперь находящемся войлокѣ, пребывала большею частію раба Божія, старица Христова Пелагія, всѣ ночи проводя безъ сна, въ

созерцаніи и молитвѣ. На этомъ же, освященномъ ея молитвенными подвигами и различными ей бывшими откровениями мѣстѣ, бывала она посѣщаема уже на лошѣ Господа блаженствующими святыми, равно и святымъ старцемъ Божиимъ Серафимомъ, и столь было любезно духу ея мѣсто сіе, что говорила часто: «умру, а не уйду отсюда». 2) «Ложь, кровать, тюфякъ, подушки, на которыхъ послѣдніе трое сутокъ земной подвижнической жизни своей блаженная старица Пелагія окончивала многотрудный тернистый свой подвигъ и почилла сномъ покоя блаженства вѣчнаго, 1884 года 30 января, въ четверть втораго часа по полуночи, 75 лѣтъ отъ роду». 3) «Вещи въ скорбно-земной подвижнической жизни служившія рабѣ Божіей Христа ради юродивой старицѣ блаженной Пелагіи: а) желѣзная цѣпь, которую наложили на нее мужъ съ родною ея матерью, и за которую приковывалась она къ стѣнѣ, какъбы звѣрь лютый, ради подвига ея юродства Христа ради, въ продолженіе долгихъ восьми лѣтъ жизни ея въ міру. б) Желѣзный поясъ, который тоже долгія восемь лѣтъ жизни своей въ міру, носила она Христа Господа ради, такъ что вросъ онъ въ мучимое всякими побоями и истязаніями удрученное тѣло ея, и уже съ кровію сняла его она, прійдя въ миръ святыхъ обители сея. в) Свитки и рубашки, ей приходившими боголюбцами Христа ради подаваемыя и ею съ любовію носимыя; сарафанъ старицы блаженной Пелагіи; чулки, лишь года за три до успенія ея надѣваемыя и носимыя ради старческой немощи; убогое одѣяло блаженной Христовой старицы; власы съ головы блаженной приснопамятной Божіей старицы Пелагіи и ногти съ рукъ ея, которые никогда не отрѣзала».

Въ этой же убогой келліи, гдѣ столько лѣтъ подвизалась блаженная старица, предъ ея святыми иконами теплится неугасимая лампада и часто совершаются панихиды по ней. Кромѣ того, инокини Дивѣвскаго монастыря и посѣщающіе его богомольцы всегда приходятъ сюда помолиться, подышать святымъ воздухомъ келліи этой, и испросить себѣ святыхъ заgrabныхъ молитвъ блаженной Пелагіи

на самомъ мѣстѣ ея подвиговъ земныхъ. Много можно было бы написать о блаженной Пелагій Ивановнѣ, еслибы собрать о ней всѣ воспоминанія тѣхъ лицъ, которые ее знали, видѣли и слышали прозорливыя ея рѣчи, и вообще испытали на себѣ ея благодатные дары; но считаю себя счастливымъ, что изъ многаго хотя малое привелось мнѣ написать о сей праведницѣ, о которой доселѣ никто еще ничего не говорилъ въ печати, и подвиги которой воистину достойны того, чтобы о нихъ сохранились свѣдѣнія въ потомствѣ, въ назиданіе и утѣшеніе вѣрующихъ православныхъ людей.

А. Ковалевскій.

1888 г. 10 октября.